

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Т. П. Будякова

**ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ
ПОТЕРПЕВШЕГО
И МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика гражданского
права и гражданского процесса

Татьяна Будякова

**Индивидуальность
потерпевшего и моральный вред**

«Юридический центр»

2005

УДК 347.1
ББК 67.404

Будякова Т. П.

Индивидуальность потерпевшего и моральный вред /
Т. П. Будякова — «Юридический центр», 2005 — (Теория и
практика гражданского права и гражданского процесса)

Автор настоящей работы – Татьяна Петровна Будякова, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Книга посвящена анализу категорий гражданско-правового института компенсации морального вреда. Дается психолого-правовая характеристика понятий «физические страдания», «нравственные страдания», «индивидуальные особенности потерпевшего» и др. Рассматриваются способы учета индивидуальности потерпевшего при определении меры претерпеваемых им страданий. Для практикующих юристов, психологов, занимающихся экспертной деятельностью, а также преподавателей, аспирантов и студентов юридической и психологической специальностей, широкого круга читателей.

УДК 347.1

ББК 67.404

Содержание

Введение	6
Глава 1. Проблема определения понятия «моральный вред»	8
§ 1. Содержание понятия «моральный вред» в трудах российских цивилистов конца XIX – начала XX в. (дореволюционный период)	8
§ 2. Определение физических и нравственных страданий в современной правовой литературе	13
§ 3. Нравственные страдания как признак морального вреда	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Татьяна Будякова
Индивидуальность
потерпевшего и моральный вред

© Т. П. Будякова, 2005

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005

* * *

Введение

Закрепление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод личности призвано обеспечить их соответствие международным стандартам: Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и др. При этом необходимо разработать конкретные юридические механизмы их осуществления и защиты в рамках разных отраслей права, в том числе в гражданском праве. Важное место в решении этой проблемы отводится гражданско-правовому институту компенсации морального вреда.

Комплекс юридических норм о компенсации физических и нравственных страданий существует в российском праве уже почти пятнадцать лет. За это время он прошел апробацию многочисленной судебной практикой, где были выявлены определенные, иногда существенные, трудности в их практическом применении.

Научные исследования российских правоведов были направлены на дальнейшую разработку основных понятий, составляющих теоретический конструкт, использованный законодателем при формулировании норм, регламентирующих компенсацию морального вреда. Ряд специалистов в области гражданского права внесли существенный вклад в становление и развитие нового для российского права гражданско-правового института. Среди них: Л. О. Красавчикова, Н. С. Малеин, М. Н. Малеина, А. М. Эрделевский и др.

В то же время требуют дальнейшей научной разработки и разрешения некоторые вопросы использования отдельных категорий института компенсации морального вреда в правовой деятельности. Необходимо раскрыть и научно обосновать содержание таких базовых понятий, как «нравственные страдания» и «физические страдания», и сделать это так, чтобы данными категориями можно было относительно легко оперировать при разрешении дел о компенсации за моральный вред.

В настоящее время эта проблема не разрешена на должном уровне. Некоторые ученые предлагают даже отказаться от учета нравственных и физических страданий при расчете сумм компенсации за них и производить оценку только степени нарушенного личного неимущественного права или нематериального блага, что не совсем соответствует замыслу законодателя.

В предлагаемом исследовании сделана попытка дать правовое определение категорий «нравственные страдания» и «физические страдания» на основе современных научных психологических и медико-биологических знаний.

Без такой предварительной работы невозможен анализ другой категории: индивидуальные особенности потерпевшего, использование которой напрямую зависит от того, что понимается под физическими и нравственными страданиями.

Защита права личности на ее индивидуальность, понимаемая в широком смысле как система личных прав, была обозначена в качестве приоритетного направления развития российского гражданского права еще в XIX в. (И. А. Покровский и др.). Индивидуальные особенности личности (понятие, классификация и т. д.) и их влияние на меру испытываемых страданий являются частной проблемой в рамках межотраслевого института личных неимущественных прав человека. Однако важность этой категории определяется целевой направленностью всей системы норм указанного института, обеспечивающей правовую сторону самореализации личности и раскрытие ее индивидуальности.

Правовое содержание понятия индивидуальных особенностей потерпевшего разработано недостаточно. Как в научных трудах, так и в судебной практике понимание данного усло-

вия юридической ответственности, введенного законодателем для более точного определения сумм компенсации за моральный вред, как правило, основывается на предположениях о том, как то или иное индивидуальное отличие может повлиять на степень страданий. Очевидно, что предположение является не научно подтвержденным фактом, а в основном лишь результатом житейских наблюдений, и, следовательно, может быть ошибочным. В итоге возможен несправедливый судебный вердикт, вызывающий вместо чувства удовлетворения дополнительные страдания потерпевшего.

В предлагаемой работе рассматривается вопрос о том, что может считаться юридически значимой индивидуальной особенностью личности, приводятся классификации возможных индивидуальных особенностей потерпевшего, предлагаются способы учета индивидуальности человека, обеспечивающие более всестороннюю защиту его личных неимущественных прав и нематериальных благ.

Для большей объективизации результатов исследования проводится сравнительный анализ российского законодательства и отечественной судебной практики с зарубежным правом и судебной практикой разных стран.

Исследование имеет как теоретическое, так и прикладное значение. Показывается, как в судебной практике по делам о компенсации морального вреда могут учитываться такие индивидуальные особенности потерпевшего, как его физический и социальный пол, несовершеннолетний (в том числе малолетний) возраст, наличие психического заболевания, особенности интеллектуального развития и др.

Глава 1. Проблема определения понятия «моральный вред»

§ 1. Содержание понятия «моральный вред» в трудах российских цивилистов конца XIX – начала XX в. (дореволюционный период)

Данное современным законодателем определение морального вреда как физических и нравственных страданий (ст. 151 Гражданского кодекса РФ) было сформулировано еще в конце XIX в. в ходе активного обсуждения проекта нового Гражданского уложения России. Необходимость постоянно находить аргументы для ответа ярлым противникам института морального вреда, в числе которых были авторитетнейшие юристы того времени (Л. И. Петражицкий, Г. Ф. Шершеневич и др.), стимулировала к всестороннему и глубокому анализу различных проблем, возникавших при определении содержания данного института.

В рамках исследования интерес представляет в первую очередь именно определение морального вреда, т. е. перечень существенных признаков этого понятия и доводы, которые были использованы как учеными-юристами, так и представителями законодательной власти того времени для обоснования именно такой формулировки данной категории.

Необходимо отметить, что само название «моральный вред» было не единственным, применяемым в теории. В качестве синонимов использовались такие названия, как нравственный, нематериальный, имматериальный, неимущественный, духовный и даже психический вред¹. В данном параграфе они также будут рассматриваться как синонимы.

Основными доводами в пользу необходимости включения института морального вреда в проект Гражданского уложения были ссылки на наиболее прогрессивные законодательства ряда зарубежных стран: Англии, Швейцарии, Австрии, Германии, Франции, Италии и др. Нормы этих законодательств, а также научные труды ученых указанных стран стали одним из главных источников формирования основ института морального вреда в российском праве и, соответственно, отправной точкой в определении самого понятия «моральный вред».

В российской юридической теории и судебной практике также созрели необходимые предпосылки. Легальное определение термина *бесчестье*, данное в действовавших Законах гражданских, уже не удовлетворяло ни теоретиков права, ни практикующих юристов. Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения в первоначальном издании Законов гражданских 1832 г. (ст. 380) давала следующее определение: «Денежное вознаграждение, определяемое судом гражданским в удовлетворение за обиду, когда она не есть беда тяжкая, подлежащая суду уголовному, называется *бесчестьем*».

Примечание. Что именно по закону считается обидою и разделение обид на тяжкие, подлежащие суду уголовному, и легкие, ведомые в суде гражданском, в подробности определяется в Законах Уголовных».

Данная формулировка в общем виде повторяла ст. 16 и 18 Манифеста Екатерины II о поединках от 21 апреля 1787 г.² Отсылочный характер нормы ст. 380 и ее неконкретность дали

¹ См.: *Беляцкий С. А.* Возмещение морального (неимущественного) вреда. М.: Городец, 1997; *Гуссаковский П. Н.* Вознаграждение за вред // Журнал министерства юстиции. 1912. № 8; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 года). М., 1995, и др.

² *Моносзон С. М.* О происхождении ст. 644–682 и 684–689 Свода Законов Гражданских (Закон 21 марта 1851 г.). М., 1913. С. 18–19.

основание Редакционной комиссии в издании Законов гражданских 1841 г. дать разъяснение основного понятия данной статьи (в издании 1841 г. это ст. 556). Бесчестье раскрывалось как вознаграждение или удовлетворение пострадавшего за обиду, составляющую также вред, хотя и не имущественный, а нравственный³. Тем самым в российском гражданском законодательстве впервые появился термин «нравственный вред». Однако такое толкование бесчестья уже являлось существенной новацией для российского гражданского законодательства и не входило в задачи, поставленные перед Редакционной комиссией императором. В последующих редакциях закон определял бесчестье как платеж за обиду (ст. 667 в более поздних изданиях Законов гражданских)⁴.

Однако позиция Редакционной комиссии, выраженная в издании г., нашла поддержку в судебной практике. Так, Комиссия по составлению проекта Гражданского уложения отмечала, что еще в г. в одном из решений Уголовного кассационного департамента указывалось, что под бесчестьем надо понимать как обиду, так и неимущественный вред, производимый ею⁵.

Такое понимание термина закрепилось не только в судебной практике, но и в теории российского гражданского права. Например, В. И. Синайский раскрывал понятие бесчестья как причинение вреда посредством нанесения личной обиды или оскорбления⁶. Нравственный вред, согласно данному подходу, возникает как продукт личной обиды или оскорбления, содержанием которых может быть невинное осуждение, похищение замужней женщины, нарушение чести и т. д.

Однако, указывая на то, что нравственный вред – это один из необходимых признаков бесчестья, российские юристы XIX в. не давали его определения. Дальнейшее развитие института неимущественных отношений требовало раскрытия понятия *нравственный вред*, т. е. выделения существенных параметров, входящих в его содержание. Это и было сделано авторами Проекта Гражданского уложения России.

В первую очередь был использован термин *боль*, который далее трансформировался в более широкое понятие *физические страдания*, хотя в то время под ними понимались только переживания, испытываемые лицом от нанесенного телесного повреждения. Применялся также термин *страдание*, трактованный не только как результат физического вреда, но и, например, противозаконного лишения свободы и т. п. В итоге, в Проекте Гражданского уложения России появилось суждение о том, что удовлетворению подлежит не только имущественный вред, но и вред нравственный, «не имеющий имущественного значения, например, *физические и нравственные страдания* (курсив наш. – Б. Т.), проистекающие от телесных повреждений, лишения удобств жизни и т. п.»⁷. Это можно считать предпосылкой последующего формирования содержания понятия «моральный вред».

Следует отметить, что ст. 1092 Проекта Гражданского уложения России, призванная регулировать возмещение нравственного вреда, не содержит его определения. Приведем для примера такой текст: «В случаях причинения телесного повреждения, в особенности же обезображения, равно как в случаях лишения свободы или нанесения оскорбления, суд может, в особенности при злонамеренности виновного, назначить пострадавшему денежную сумму по своему усмотрению, хотя бы сей последний не понес никаких убытков (нравственный вред).

³ Законы Гражданские (Свод Законов. Т. X. Ч. 1, изд. 1900 по Прод. 1906, 1908, 1909) с разъяснениями правительствующего Сената, четвертое издание. Сост. И. М. Тютрюмов. СПб., 1913. С. 522.

⁴ Гражданские законы (Свод законов. Т. X. Ч. 1) по решениям правительствующего Сената. Пятнадцатое исправленное и дополненное издание. СПб., 1884.

⁵ Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Книга 5. СПб., 1899. С. 628.

⁶ Синайский В. И. Русское гражданское право (пособие к изучению т. X, ч. 1 и сенатской практики). Киев, 1892. С. 303.

⁷ Гражданское Уложение. Проект... С. 634–635.

Право на получение такого вознаграждения не переходит к наследникам пострадавшего и не может быть уступлено другому лицу»⁸.

Однако Редакционная комиссия по составлению Проекта, давая в своих комментариях вышеприведенное определение нравственного вреда, как бы отвечала на существующие возражения противников данного института.

Приведем одно из таких возражений, включенное в Свод замечаний, составленный по итогам обсуждения Проекта. Оно характеризуется тем, что аккумулирует все основные аргументы юристов, негативно воспринявших нормы статей, регулирующих «неимущественные отношения». «Установление права потерпевшего от преступления лица требовать от виновника преступления денежного вознаграждения за понесенный нравственный вред, как это делает Проект (1092 и 1093 ст. ст.), права, имеющего весьма шаткие теоретические основания, так как нравственные блага по существу своему не могут иметь денежного эквивалента и проектированное вознаграждение, нисколько не удовлетворяя поруганных истинных нравственных чувств, скорее в состоянии их унижить, – не может быть признано желательным чисто с практической точки зрения, ибо, тогда как люди, дорожащие своими нравственными достоинствами и особенно чувствительные к нравственному вреду, едва ли согласятся на публичную денежную оценку их чести вообще и специальной женской чести в частности, – люди, не особенно дорожащие своей личной неприкосновенностью и честью, наоборот, в видах материальной выгоды пойдут навстречу нарушениям прав их личности, и таким образом им будут даны возможность и повод обратить охраняемое законом нравственное благо в источник легкой для них наживы, незаметно для постороннего глаза торгуя ими. Помимо этого введение института денежного возмещения нравственного вреда не может не повлечь за собою и учащение случаев ложных обвинений. Ввиду изложенного 1092 и 1093 ст. ст. проекта следовало бы исключить. (Чл. Усть-Медвед. Окр. Суда Д. И. Мерный)»⁹.

Примененная составителями Проекта формула определения нравственного вреда позволяла разрешить эти проблемы, делая акцент на измерении страданий, а не на оценке чести и достоинства пострадавшего лица. В этом отношении она оказалась как бы ключевой. Снимался вопрос и о недобросовестности отдельных лиц, которые могли бы воспользоваться нормами данного института в корыстных целях, так как суд решал вопрос о наличии страданий у потерпевшего, а не просто принимал во внимание факт противоправного вторжения в духовную сферу личности. Такая позиция нашла поддержку и у правоведов. Так, И. А. Покровский отмечал: «Есть ли в данном конкретном случае подлинный нравственный вред или же только спекуляция на получение денежной суммы, разобраться в этом – естественная фактическая задача суда. Во всяком случае опасение подобных единичных неблагоприятных притязаний не может служить основанием к тому, чтобы оставить без внимания все подлинные нравственные страдания людей. Без охраны нематериальных благ правовая защита сплошь и рядом окажется простой насмешкой»¹⁰.

Важно подчеркнуть, что на позицию авторов Проекта нового Гражданского уложения России оказал влияние не только опыт зарубежных законодательств, но и специфика национального права. Негативной реакции на введение в России института морального вреда способствовало то, что выплата бесчестья за оскорбление по отечественному уголовному закону была альтернативной мерой ответственности по отношению к уголовному наказанию за данное преступление. Потерпевшему предоставлялось право выбора способа удовлетворения личной обиды.

⁸ Там же. С. 622.

⁹ Свод Замечаний на проект книги пятой Гражданского Уложения об обязательствах. СПб., 1902. С. 518.

¹⁰ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 142–143.

В то же время сам процесс выбора побуждал оценивать его мотивы. Общественное мнение склонялось в пользу уголовного наказания, считая его более приемлемым способом заглушения душевных переживаний. Напротив, выбор в пользу денег сопоставлялся с продажей доброго имени. Довольно эмоционально по этому поводу на одном из судебных процессов по делу об оскорблении личности высказался Ф. Н. Плевако: «Есть у нас пословица, что иногда надо бить рублем, а не дубьем. Эта горькая истина об относительной тяжести кары высказана теми, кто забит жизнью до нечувствительности духовного бича и кто тяжким путем добывает себе заработную плату, связывая с каждой копейкой капли кровавого пота»¹¹. В комментарии к Проекту давалась аналогичная оценка: «Ныне действующий закон (ст. 668 и 669 т. X ч. 1 и п. 2 ст. 138 Уст. Наказ., налаг. Мир. Суд.) лишает того, кто просит о взыскании бесчестья, права требовать наказания оскорбителя, так что лицо, предпочитающее взыскать в свою пользу денежную сумму вместо привлечения виновного к уголовной ответственности, действительно не может быть признано уважающим свое нравственное достоинство»¹².

Понятно, что такие общественные установки не способствовали популярности денежной формы вознаграждения за бесчестье, и, в частности, этим объяснялось незначительное количество исков такого рода, особенно со стороны образованных и состоятельных людей. В Проекте нового Гражданского уложения предполагалось выплачивать денежную компенсацию за личные обиды независимо от возможности уголовного преследования. В общественное сознание внедрялся этический постулат о том, что одно лишь уголовное наказание за оскорбление не может обеспечить полное удовлетворение оскорбленного. В доказательство приводились доводы, во многом не потерявшие актуальности и до сих пор: «Бывают обиды, и в особенности клеветы, которые, подобно неизгладимому обезображению на лице, надолго и даже навсегда оставляют более или менее заметные следы как во внутреннем чувстве оскорбленного, так и в общественном мнении. Лицо, подвергшееся, например, клевете, не может предъявлять каждому приговор суда о наказании виновного в доказательство лживости распространенного о нем слуха, хотя многие, до которых дошел такой слух, часто не знают о последовавшем по суду восстановлении доброго имени оскорбленного. Вследствие сего опозоренное клеветой лицо, кроме переносимых им нравственных страданий, нередко лишается возможности получить занятия, вступить в брак и вообще терпит даже имущественный вред, который не может быть предвиден и доказан во время преследования клеветника и который наступает иногда уже после истечения давности на предъявление исков о вознаграждении. Подобные же последствия могут иметь и простые обиды. Таким образом, приговор суда об осуждении за обиду или опозорение, несмотря даже на возможность опубликования такого приговора (ст. 1047 и 1536 Улож. Наказ., ст. 469 Проекта Угол. Уложения), не всегда может служить достаточным удовлетворением оскорбленного».¹³

Таким образом, сформулированное составителями Проекта Гражданского уложения России определение нравственного вреда не только удовлетворяло потребность дальнейшего развития отечественного гражданского законодательства, но и способствовало коррекции общественного сознания по отношению к новому правовому институту. В таком виде оно стало широко использоваться в юридической теории. В 1910 г., выступая на заседании Санкт-Петербургского юридического общества, С. А. Беляцкий уже говорил: «Как известно, под моральным вредом, подлежащим возмещению, разумеют страдания и лишения физические и нравственные, причиненные потерпевшему неправомерной деятельностью делинквента».¹⁴

¹¹ Плевако Ф. Н. Избранные речи. М.: Юридическая литература, 1993. С. 498.

¹² Гражданское Уложение. Проект... С. 636–637.

¹³ Там же. С. 636.

¹⁴ Беляцкий С. А. Указ. соч. С. 15.

Позднее, в начальный период советского времени, Б. Утевский указывал, что моральный вред, например, заключается в нравственном и физическом страдании¹⁵. Это свидетельствовало о прочном вхождении в понятийный аппарат юридической теории удачно найденной трактовки данной правовой категории. Подобная трактовка содержания морального вреда имеет место и в более поздних трудах ученых советского периода¹⁶.

В целом для дальнейшего анализа можно выделить три основных этико-правовых положения, взятых за основу при формулировании норм о компенсации нравственного вреда, которые не утратили своей важности до сих пор: 1) нарушение неимущественных прав – должна даваться общественная оценка и обеспечиваться юридическая защита; 2) денежное вознаграждение за нравственный вред – это не плата за честь, не денежная ее оценка, а способ компенсации страданий при посягательстве на нее, которые и подлежат измерению; 3) способ и форма защиты личного неимущественного права или нематериального блага не должны унижать потерпевшего.

¹⁵ Утевский Б. Возмещение неимущественного вреда как мера социальной защиты // Ежегодник советской юстиции. 1927. № 35. С. 1083.

¹⁶ См., например: Малешин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М.: Юридическая литература, 1965. С. 14.

§ 2. Определение физических и нравственных страданий в современной правовой литературе

Дискуссия, развернувшаяся по поводу введения в Проект Гражданского уложения России института компенсации морального вреда, позволяла теоретически разрешить некоторые проблемы, возникшие в ходе его обсуждения. В то же время и доводы сторонников указанного института, и аргументы его противников по объективным причинам не прошли проверку практикой.

Современный российский законодатель, принимая в 1991 г. формулировку морального вреда как физических и нравственных страданий¹⁷, не только обозначил свою позицию в вопросе содержания данной категории, но и обеспечил возможность проверки правильности данного подхода в ходе реальной судебной практики. Потребность практического разрешения конкретных судебных дел поставила дальнейшую проблему – раскрытие содержания признаков, входящих уже в определение морального вреда.

В современной правоведческой литературе в основном сложилось единое понимание того, что должно входить в содержание понятия «физические и нравственные страдания». Проиллюстрируем это на примерах, для наглядности представив требуемую информацию в форме таблицы (см. табл. 1).

В Особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан¹⁸, вступившей в силу с 1 июля 1999 г., дано легальное определение физических и нравственных страданий как унижения, раздражения, подавленности, гнева, стыда, отчаяния, физической боли, ущербности, дискомфорта и т. п. (п. 1 ст. 951). Тем самым из ряда доктринальных определений законодательно было выделено одно, что, безусловно, внесло некоторую определенность в понимание содержания данного термина, но не сняло трудностей в его практическом применении.

Как видно из приведенных определений, выделенные разными авторами признаки понятий «физические» и «нравственные страдания» сами довольно сложны по содержанию и требуют дальнейшей интерпретации. Это обстоятельство побудило А. М. Эрделевского пойти по пути отказа от рассмотрения содержательной стороны физических и нравственных страданий.

Таблица 1

Содержание понятий «физические» и «нравственные страдания» в работах некоторых российских юристов

¹⁷ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

¹⁸ Гражданский кодекс Республики Казахстан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

№ п/п	Ф. И. О. автора	Год издания соответствующей работы	Содержание понятий «физические» и «нравственные страдания»
1	Малеин Н. С. ¹	1993	<i>Физические и нравственные страдания:</i> унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние, физическая боль, ущербность, дискомфортное состояние
2	Эрделевский А. М. ²	1997	<i>Физические страдания:</i> негативные ощущения: боль, удушье, тошнота, зуд, головокружение и иные болезненные симптомы <i>Нравственные страдания:</i> страх, стыд, унижение, другие негативные эмоции или иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние
3	Голубев К. И., Нарижный С. В. ³	2000	<i>Физические страдания:</i> головные боли, боли в желудке, гипертония и т. д. <i>Нравственные переживания:</i> отрицательные эмоции, возникающие в человеческой психике: отвращение, страх, грусть и т. д., а также более глубокие последствия на психическом уровне в виде неврозов и невротических реакций
4	Малеина М. Н. ⁴	2001	<i>Физические страдания:</i> физическая боль <i>Нравственные страдания:</i> испытываемый страх, унижение, беспомощность, стыд, разочарование, переживание иного дискомфортного состояния в связи с утратой родственников, потерей работы и др.
5	Анисимов А. Л. ⁵	2001	<i>Физические и нравственные страдания:</i> унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние, дискомфортное состояние и т. д.
6	Гущин Д. И. ⁶	2002	<i>Физические страдания:</i> боль, удушье, тошнота, зуд, жжение и т. д. <i>Нравственные страдания:</i> обида, страх, возмущение, горе, чувство утраты

¹ Малеин Н. С. О моральном вреде // Государство и право. 1993. № 3. С. 33.

² Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: Инфра-М, 1997. С. 130.

³ Голубев К. И., Нарижный С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. С. 93–94.

⁴ Малеина М. Н. Личные неимущественные права: понятие, осуществление, защита. М.: МЗПресс, 2001. С. 48.

⁵ Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации. М.: ВЛАДОС ПРЕСС, 2001. С. 48.

⁶ Гущин Д. И. Юридическая ответственность за моральный вред. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 165.

Аргументируя свою позицию, он, в частности, пишет: «...не представляется возможным и целесообразным ни теоретически, ни практически ввести какое-либо объективное соотношение между тошнотой и удушьем, зудом и головокружением, страхом и горем, стыдом и унижением... Поэтому... для определения размера компенсации следует учитывать не вид (характер) нравственных или физических страданий, а характер и значимость тех нематериальных благ, которым причинен вред, поскольку именно их характер и значимость для человека определяют

величину причиненного морального вреда»¹⁹. Для разрешения проблемы он предложил ввести в оборот зарубежную концепцию среднего разумного человека²⁰, согласно которой средний человек в сравнимых обстоятельствах должен испытывать определенные страдания. Сами страдания, а также их интенсивность, при этом презюмируются. Ученый разработал также специальную таблицу, согласно которой сумма компенсации за моральный вред коррелирует с системой штрафных санкций, предусмотренных за преступления, в результате совершения которых может возникнуть моральный вред.

Подход А. М. Эрделевского представляется привлекательным по ряду оснований. Во-первых, несмотря на трудности в оценке собственно физических и нравственных страданий, он не призывает отказываться вообще от этого признака в определении морального вреда, как это делают некоторые другие ученые²¹, а предлагает ввести правило презюмирования страданий при нарушении личных неимущественных прав. Во-вторых, задаются объективные критерии для расчета справедливой суммы компенсации морального вреда: судебское усмотрение получает материальную опору в виде специальных расчетных таблиц. В-третьих, предусматриваемое правило презюмирования морального вреда позволяет сделать менее напряженной этико-психологическую проблему описания потерпевшим своих страданий. Доказывая силу и характер своих переживаний, потерпевший часто испытывает вторичный моральный вред как из-за самого воспоминания психотравмирующей ситуации²², так и из-за необходимости посвящать неопределенный круг лиц в сферу своего личного сознания, раскрывая его мотивационно-потребностную и ценностную составляющие, или, говоря обычным языком, «обнажать свою душу», рассказывая о своих страданиях не узкому доверительному кругу, а лицам, предписанным законом, в число которых входят также причинитель вреда и его защитники.

Принцип презюмирования морального вреда особенно значим, когда речь идет о такой группе потерпевших, как несовершеннолетние. Само судебное разбирательство может стать для них источником формирования еще более сильной психической травмы²³.

Между тем концепция А. М. Эрделевского не решает всех проблем, возникающих в процессе применения норм института морального вреда. Так, и на это справедливо указывала Л. О. Красавчикова²⁴, в рамках данного подхода довольно формально учитываются индивидуальные особенности личности потерпевшего. Например, предлагается при наличии у потерпевшего индивидуальной особенности сумму компенсации увеличивать вдвое²⁵. Но почему именно вдвое? Понятно, что различные индивидуальные особенности по-своему влияют на силу испытываемых переживаний. Поэтому было бы несправедливо пользоваться единой меркой во всех случаях.

Далее нужно отметить, что, вводя правило презюмирования морального вреда с целью избавления потерпевших от дополнительных страданий, вовсе не обязательно оставлять попытку раскрытия содержания нравственных и физических страданий в рамках научного исследования, чтобы обеспечить суду возможность осознанно делать выводы о силе, характере, длительности и т. п. переживаний потерпевшего. Современное состояние психологиче-

¹⁹ Эрделевский А. М. Указ. соч. С. 130–131.

²⁰ Афанасьева Е. Г. Деликтная ответственность за причинение вреда пациентам по праву США (научно-аналитический обзор) // Реферативный журнал. 1995. № 1. С. 61.

²¹ Маленина М. Н. Указ. соч. С. 51.

²² Как показывают психологические исследования, в процессе воспоминаний часто испытываются эмоции такой же силы, как и при первичном их возникновении (см.: Эжман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 1999).

²³ См.: Schmidt C. G. Where privacy fails: Equal protection a. the abortion rights of minors // N. Y. Univ. Law Rev., 1993. Vol. 68. N 3. P. 597–638.

²⁴ Красавчикова Л. О. Рецензия на монографию Малениной М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗПресс, 2000. 244 с. // Государство и право. 2002. № 11. С. 136–138.

²⁵ Эрделевский А. М. Указ. соч. С. 137–138.

ской науки позволяет это сделать довольно корректно²⁶. В противном случае возможна ситуация произвольного судебного усмотрения, когда оно, по словам лорда Кэмдена, превращается в право тирана: «Оно всегда в неизвестности, оно различно у разных людей, оно случайно и зависит от конституции и страсти. В лучшем случае оно временами своенравно; в худшем – оно любой порок, глупость, безрассудство, к которым склонна человеческая натура»²⁷.

В практике Европейского Суда по правам человека сложился определенный подход к оценке презумпций, лежащих в основе судебных решений, который может быть использован и в российской судебной практике. Суд считает, что презумпции должны относиться к классу неопровержимых, а также быть достаточно серьезными и точными²⁸.

Теоретическая и практическая апробация норм действующего Гражданского кодекса о компенсации морального вреда выявила еще ряд проблем, которые возникли именно из-за данного современным законодательством определения морального вреда как физических или нравственных страданий. Формулировка бесчестья, имевшаяся в Законах гражданских в XIX в., таких трудностей не порождала.

Основная из них – это то, что без защиты в рамках рассматриваемого института осталось несколько групп граждан. В первую очередь, как указывают отдельные авторы²⁹, на компенсацию морального вреда не могут рассчитывать лица с умственной отсталостью, не способные понимать характер позорящей их информации или действий, так как они не испытывают при этом физических или нравственных страданий. Далее, к этой же группе лиц можно отнести и несовершеннолетних, которые в силу возрастных особенностей также могут не понимать содержания оскорблений, направленных на унижение их достоинства, или осознавать ущемление своих иных личных неимущественных прав, например права на развитие³⁰. В дореволюционной России интересы ребенка, потерпевшего бесчестье, защищал, как правило, его отец, поскольку по действующему в то время законодательству для получения суммы компенсации за бесчестье требовалось доказать только факт нанесения личной обиды. Такое же представительство, по-видимому, возможно было и в случае бесчестья умственно отсталых лиц, а также психически больных. К сожалению, трудно найти судебные документы, подтверждающие наличие соответствующей судебной практики. Однако формально логическое толкование ст. 667 Законов гражданских, а также действовавшего в то время закона о сумасшедших³¹, позволяет сделать вывод о возможности защиты личных прав этой категории граждан.

Кроме указанных выше лиц, на компенсацию морального вреда не могут претендовать такие потерпевшие, которые в результате нанесенного им причинителем вреда психотравмирующего воздействия потеряли память или даже рассудок и в силу этого обстоятельства не могут вспомнить саму психотравмирующую ситуацию и, соответственно, не испытывают ни физических, ни нравственных страданий по поводу произошедшего.

Следующей проблемой, обусловленной современной трактовкой понятия морального вреда, можно считать несправедливость в оценке последствий, нанесенных причинителем вреда, и ограниченной возможностью их осознания и оценивания потерпевшим. Речь идет,

²⁶ См., например: *Brett E. A., Ostroff R.* Imagery and Post-traumatic Stress Disorder: An overview // *Am. J. Psychiatry*. 1985. V. 142. P. 417–424; *Davidson R. T.* An update on PTSD and DSM-IV // *Traumatic Stress Points*. 1991. V. 5. N 3. P. 5.; Будякова Т. П. Личностные комплексы как продукт моральных травм (к вопросу об определении степени морального вреда) // Социально-психологические и этико-правовые аспекты в исследовании личности. Елец, 2002. С. 24–34; *Енгальцев В. Ф., Шиничин С. С.* Судебно-психологическая экспертиза. Методическое руководство. Калуга, 1996, и др.

²⁷ Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. С. 23.

²⁸ Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 74.

²⁹ Гуцин Д. И. Указ. соч. С. 127.

³⁰ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. 10.12.1984.

³¹ Канторович Я. А. Законы о безумных и сумасшедших. СПб., 1899.

например, о причинении физического вреда умственно отсталым и психически больным. Они не всегда способны правильно оценить значение этих факторов для своего здоровья.

Речь в данном аспекте может идти также о лицах, на систему морально-нравственных установок которых психотравмирующие обстоятельства в силу, например, длительности воздействия оказали такое значительное влияние, что произошла их существенная трансформация. Такие потерпевшие стали, по выражению Ф. Н. Плевако, «духовными бичами»³² и, несмотря на значительные моральные потери, испытывают не соответствующие им по силе страдания. К примеру, это могут быть бывшие заложники, долгое время пребывавшие в данном качестве, или подчиненные, которые в силу обстоятельств не могли изменить своего статуса и вынуждены были терпеть унижения от руководителя, а также иные зависимые лица: военнослужащие, воспитанники детских домов, заключенные и т. д. О возможности деформации системы ценностей у несовершеннолетнего в результате правонарушения, допущенного родителями, писал А. В. Шичанин³³.

Таким образом, законодательство дореволюционной России, выбирая в качестве критерия оценки бесчестия существо нарушенного нематериального блага, порождало, как указывалось выше, комплекс этических проблем. Действующее законодательство Российской Федерации, делая акцент на критерии физических или нравственных страданий, оставляет без защиты некоторые группы потерпевших, которые или вообще не испытывают страданий от посягательства на их личную неимущественную сферу, или, даже понеся значительные моральные потери, претерпевают переживания незначительной степени в силу причин, не зависящих от них, как правило, по вине причинителя вреда.

Думается, что выходом из данного положения может служить учет обоих признаков при определении суммы компенсации за моральный вред. В типичных ситуациях это позволит более качественно охарактеризовать страдания потерпевшего, так как в большинстве случаев сила и длительность страданий действительно зависят от существа нарушенного блага³⁴. Можно предположить, что не случайно в определениях морального вреда, формулируемых советскими правоведом до появления в Гражданском кодексе РСФСР и далее в Гражданском кодексе РФ соответствующих норм, первостепенное значение придавалось факту умаления нематериальных благ, поскольку именно этот фактор не только является причиной страданий потерпевшего, но и определяет их специфику³⁵. Если же потерпевший не способен осознавать происходящее, а также в случае явного несоответствия страданий потерпевшего понесенным моральным потерям по указанным выше причинам, логично присвоить ему статус специального субъекта и оговорить в законе особые правила его защиты в рамках института морального вреда.

При таких обстоятельствах главным критерием оценки должны быть не только реальные физические или нравственные страдания, а существо и степень нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права. В этом плане заслуживает внимания позиция Г. Г. Горшенкова³⁶, предлагающего ввести в оборот термин «субъективные потери». В состав таких потерь включаются:

– различные страхи;

³² Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 498.

³³ Шичанин А. В. Проблема становления и перспективы развития института возмещения морального вреда. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 11.

³⁴ Подробнее об этом см.: § 3, 4 данной главы.

³⁵ Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 329–330; Советское гражданское право / Под ред. В. П. Грибанова, С. М. Корнеева. Т. 1. М., 1997. С. 522.

³⁶ Горшенков Г. Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству. Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996. С. 88.

- чувство угнетенности;
- интеллектуальные потери (например, ухудшение памяти);
- субъективные потери, связанные с утратой политических, трудовых, иных прав и свобод и т. д.

Наличие любого из этих показателей, по мнению указанного автора, должно выступать основанием компенсации морального вреда.

В плане обобщения можно сформулировать несколько тезисов.

1 Признаки понятия «моральный вред» – физические и нравственные страдания – требуют своего дальнейшего раскрытия, так как их содержание в данном варианте вызывает трудности интерпретации и практического применения.

2 Полноценная оценка степени физических и нравственных страданий затруднена без учета индивидуальных особенностей потерпевшего. Однако до сих пор не предложено неформального, содержательного способа такого учета.

3 Некоторые группы граждан не могут использовать средства защиты, предусмотренные институтом морального вреда, вообще или в полной мере в силу своих индивидуальных особенностей.

И все же представляется, что позиция законодателя, определившего моральный вред как физические и нравственные страдания, является продуктивной. В пользу сторонников понимания морального вреда как физических и нравственных страданий можно привести еще один аргумент. Имеются в виду случаи диссонанса, возникающего при посягательстве на нематериальное благо (в частности, на честь и достоинство лица), когда оно, вопреки стараниям делинквента, не только не умаляется, а напротив, увеличивается, например, авторитет лица еще больше укрепляется. С. Амброз описывает подобный факт из биографии Дуайта Эйзенхауэра. Несмотря на то, что моральный авторитет генерала вопреки диффамации, имевшей место в ходе президентской избирательной кампании, только вырос, тем не менее он глубоко переживал клевету, распространяемую в отношении как его самого, так и близких ему людей³⁷. Было бы несправедливо оставить подобные переживания без компенсации.

Аналогичные примеры можно привести и относительно физических страданий. Как показали исследования физиологов, наш организм устроен таким образом, что некоторая доля физических испытаний необходима человеку для здоровья, так как эти нагрузки и ограничения не только закаляют организм, но и являются естественным условием его полноценного функционирования. Бездеятельность, малоподвижность, отсутствие раздражителей и препятствий, которые предстоит преодолеть, угнетают человека больше, чем изнурительный труд. Более того, по мнению известного канадского физиолога Ганса Селье, физические нагрузки успокаивают и даже помогают переносить душевные травмы. Г. Селье отмечает также, что физические воздействия и ограничения только тогда приносят вред организму, если они чрезмерны или сопряжены со стрессом, причина которого имеет социальный характер, например, в случае «стресса рухнувшей надежды»³⁸.

Между тем судить о причиненных физических страданиях с точки зрения их конечного отдаленного положительного результата невозможно, так как результат такого рода непредсказуем. Таким образом, понимание морального вреда как фактически перенесенных страданий, установленное в Гражданском кодексе РФ, представляется наиболее объективным.

³⁷ Ambrose Stephen E. Eisenhower. Soldier and President. New York: Simon and Schuster, 1990. P. 235.

³⁸ Селье Г. Стресс без «дистресса». М.: Прогресс, 1982. С. 65.

§ 3. Нравственные страдания как признак морального вреда

Законодатель в ст. 1101 Гражданского кодекса РФ установил, что размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий. В то же время характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. Таким образом, согласно буквальному толкованию ст. 1101, учет индивидуальных особенностей потерпевшего может осуществляться только после определения характера его физических и нравственных страданий. Индивидуальные особенности потерпевшего и фактические обстоятельства причинения морального вреда являются факторами, уточняющими характер переживаемых страданий.

На схеме это можно представить следующим образом (см. схему 1):

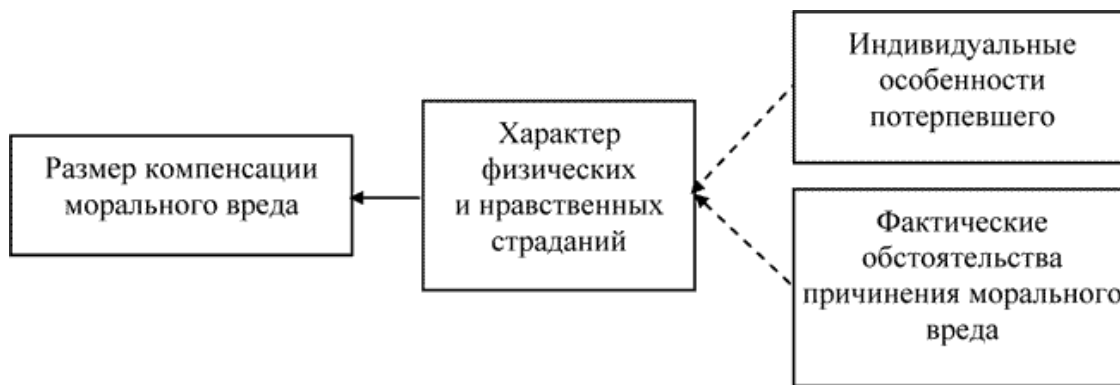

Схема 1

Пунктирная стрелка на схеме означает, что возможна ситуация, когда в отсутствие юридически значимых индивидуальных особенностей потерпевшего и фактических обстоятельств причинения морального вреда единственным критерием оценки степени физических и нравственных страданий потерпевшего будет только их характер.

Вина причинителя вреда и его материальное положение являются факторами, учитываемыми судом при расчете суммы компенсации за причиненный вред, но они не имеют существенного значения в определении силы страданий потерпевшего.

В законе не дано определение рассматриваемого понятия. В то же время проведенный выше анализ ст. 1101 ГК РФ дает основание выделить некоторый аспект в понимании того, что может выступать под «характером физических и нравственных страданий». Это должен быть такой показатель, который, с одной стороны, действительно может значимо влиять на степень переживаемых страданий возможного потерпевшего; с другой – может или увеличиваться, или уменьшаться в зависимости от наличия юридически значимых индивидуальных особенностей потерпевшего и (или) фактических обстоятельств причинения морального вреда. Исходя из этого содержание самого понятия «страдание» должно быть таково, чтобы можно было говорить о его различном характере.

«Страдание» – категория, достаточно разработанная в теории этики. Под страданием понимается состояние, периодически переживаемое человеком в процессе его физического и духовного бытия. Нравственно-этическая сторона страдания заключается в первую очередь в готовности к личным жертвам при выполнении обязательств, предусмотренных различными кодексами поведения. С точки зрения этики здесь проявляется положительная функция стра-

дания. В этом смысле страдание – необходимый и естественный элемент человеческого бытия. Противоестественным, нарушающим нормы морали является поведение, вызывающее наиболее грубые и унижающие человеческое достоинство страдания³⁹.

Таким образом, в этическом плане страдание рассматривается как элемент нравственного сознания, позволяющий оценивать поступки конкретных людей как позитивные или негативные с точки зрения общественной морали, причем такая оценка осуществляется не на логическом, а на чувственном уровне. Очевидно, что этический подход, подразумевающий деление страданий на указанные два вида, невозможно применить для решения задачи оценки степени испытываемого морального вреда, так как здесь требуется более детальное рассмотрение только негативного проявления страданий, что не является предметом изучения этики.

Авторы современных учебников по этике в случаях, когда нужен иной план анализа таких этических категорий, как стыд, унижение, страдание и т. п., совершенно справедливо делают отсылку к психологическим исследованиям⁴⁰. Эту точку зрения разделяют и некоторые правоведы⁴¹.

В традиционных психологических исследованиях не используется такой термин, как «страдание». Однако есть другие психологические понятия, которые можно считать его аналогами. Совершенно очевидно, что речь идет об эмоциональной сфере личности человека и о ее нарушениях, связанных с травматическими воздействиями на нее. В психологии, изучающей кризисные состояния человека, выработан специальный терминологический аппарат, с помощью которого обозначаются элементы кризисных состояний. К ним относятся, во-первых, понятие психической травмы, под которой понимается своеобразный психологический феномен, проявляющийся в дезорганизующей вредности воздействия на личность человека, характеризующийся определенной функциональной организацией и определенным отношением к другим элементам сознания⁴². Это тяжелые, иногда сверхсильные, для личности переживания, сопровождающиеся отрицательными эмоциональными реакциями⁴³. В психоаналитической литературе этот феномен называется личностным комплексом⁴⁴.

Другим понятием, характеризующим кризисное состояние человека, можно считать термин «психотравмирующая ситуация», под которой понимается необычное событие, способное вызвать тяжелый психологический стресс, сопровождающийся чувствами страха, ужаса, беспомощности, униженности и т. д. (кстати, длительная психотравмирующая ситуация рассматривается как один из квалифицирующих признаков убийства в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ).

Психотравмирующая ситуация может стать источником как нравственных, так и физических страданий. В данном параграфе будет рассмотрено влияние психотравмирующей ситуации на образование нравственных переживаний.

В научной литературе встречается также термин «моральные потери», под которым понимается умаление личных неимущественных прав и (или) нематериальных благ⁴⁵. В утратившем юридическую силу Законе РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19

³⁹ Словарь по этике / Под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. М.: Политиздат, 1989. С. 338–340.

⁴⁰ Золотухина-Аболина Е. В. Этика. Ростов-н/Д, 1998. С. 263–281.

⁴¹ Пешикова О. А. Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц. Дис. ... канд. Юрид. наук. Волгоград, 1997. С. 37.

⁴² Бассин Ф. В., Рожнов В. Э., Рожнова М. А. Психическая травма (к современному пониманию ее природы и общих принципов ее психотерапии) // Руководство по психотерапии / Под ред. В. Е. Рожнова. Ташкент, 1979. С. 28.

⁴³ Матвеев В. Ф., Гройсман А. Л. Профилактика вредных привычек школьника. М.: Просвещение, 1987. С. 24.

⁴⁴ Подробнее об этом см. ниже.

⁴⁵ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными правами граждан (физических лиц) в гражданском праве. Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 306; Малеш Н. С. Юридическая ответственность // Правовая система социализма: функционирование и развитие. Т. 2. С. 206.

декабря 1991 г. (ст. 89)⁴⁶ был использован термин «моральная травма» в значении умаления личных неимущественных прав и нематериальных благ, который закрепился в правовой литературе⁴⁷. Для дальнейшего анализа изучаемой проблемы, безусловно, необходимо разведение данных понятий. Далее будут использоваться термины: «моральная травма» как факт умаления личных неимущественных прав и (или) нематериальных благ; «психическая травма» как результат негативного морально-психологического или физического воздействия, фиксирующийся в психике человека в виде психических переживаний типа личностных комплексов, навязчивых состояний: фобий (страхов) и т. д.⁴⁸

Использование категории «психическая травма» позволяет оценить физические и нравственные страдания с точки зрения их силы, а также определить характер этих страданий, различающихся, как правило, в зависимости от вида личностного комплекса, ставшего продуктом моральной травмы. Вместе с тем вид образовавшегося комплекса напрямую связан с индивидуальными особенностями потерпевшего, такими, например, как пол, возраст, социальное положение, социальный статус и т. д., что, в свою очередь, облегчает установление связи характера переживаемых страданий с индивидуальными признаками потерпевшего.

Сила переживаемых страданий будет разной в зависимости от того, что стало результатом моральной травмы: простая эмоция, которая со временем забывается, или глубокий личностный комплекс, коррекция которого требует больших душевных затрат и специальной квалифицированной психологической помощи. Кроме того, каждый вид комплекса обладает своей степенью тяжести с точки зрения глубины образуемой психической травмы и сложности при коррекционной работе. Также важно иметь в виду, что одна и та же ситуация может порождать у потерпевшего два и более личностных комплексов, увеличивая степень его страданий. Все эти моменты надо учитывать при характеристике вида страданий человека, претерпевшего моральный вред.

В свете вышесказанного можно уточнить содержание понятия «нравственное страдание», придав ему необходимый юридико-психологический смысл, облегчающий его применение в юридической теории и практике. *Нравственное страдание* – родовой термин, обозначающий негативные эмоции и эмоциональные состояния (например, личностные комплексы), вызванные неправомерным вторжением в сферу нравственного сознания личности.

Нет необходимости подробно описывать, что значит простая эмоция: гнев, обида и т. п.; для данного исследования важно, что она быстро проходит и проста в коррекции. Поэтому более подробно рассмотрим понятие личностного комплекса и его видов. Общее определение комплекса в наиболее развернутом виде дано у К. Г. Юнга: «Комплексы – это психические величины, которые лишены контроля со стороны сознания. Они отщеплены от него и ведут своего рода существование в темной сфере души, откуда могут постоянно препятствовать или же содействовать работе сознания. Комплексы всегда содержат в себе нечто вроде конфликта или, по крайней мере, являются либо его причиной, либо следствием. Во всяком случае комплексам присущи признаки: конфликта, шока, потрясения, неловкости, несовместимости. Это так называемые «больные точки», о которых не очень хочется вспоминать и еще меньше хочется, чтобы о них напоминали другие, но которые зачастую самым неприятным образом напоминают о себе сами»⁴⁹.

В определении К. Г. Юнга сфокусированы все основные признаки комплексов, которые традиционно выделяются в психоанализе: а) бессознательное воздействие комплексов на поведение человека; б) связь содержания комплекса с аффектом; в) невозможность избавиться от

⁴⁶ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 10. Ст. 457.

⁴⁷ См., например: Поляков И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. М.: Городец, 1998. С. 24, 139.

⁴⁸ Коркина М. В., Лакосина Н. Д., Личко А. Е. Психиатрия. М.: Медицина, 1995. С. 94–98.

⁴⁹ Юнг К. Г. Аналитическая психология. М., 1995. С. 101.

комплексов путем простого забывания; г) в целом негативный характер воздействия комплексов на актуальную жизнь человека. Самый негативный результат наличия комплекса состоит в том, что аффективные переживания, связанные с моральной травмой, возникают каждый раз, когда что-либо даже косвенно напоминает о психотравмирующей ситуации и человек многократно повторно претерпевает физические и нравственные страдания, получая вторичный, третичный и *n*-ый моральный вред.

Рассмотрим наиболее типичные личные комплексы, возникающие вследствие моральных травм.

Комплекс неполноценности как продукт моральной травмы

Содержание комплекса неполноценности довольно подробно раскрыто в психологической литературе. А. Адлер, который ввел понятие комплекса неполноценности в психоанализ, отмечал, что чувство неполноценности возникает в связи с конкретными неудачами в определенных жизненных областях. Это могут быть неудачи при реализации стремления к власти, высокому социальному положению, другим социальным отличиям⁵⁰. Современное понимание содержания комплекса неполноценности отражено в «Психологическом словаре». Согласно представленной в нем информации, суть этого комплекса состоит в появлении чувства неполноценности, свойственного всем людям, сталкивающимся с жизненными трудностями. «Вместо реального преодоления трудностей и развития своих умений и способностей невротики, например, стремятся избежать самих переживаний чувства неполноценности»⁵¹. При этом они убеждают себя либо в своей никчемности, либо в своем превосходстве над людьми, этим оправдывая свое устраниение от реального преодоления трудностей.

В литературе описаны факты возникновения комплекса неполноценности в связи с нанесением неправомерного вреда зависимому лицу. Это в первую очередь исследования дидактических неврозов, появляющихся у учеников из-за некорректных, антипедагогических действий учителя⁵².

Одной из особенностей комплекса неполноценности является то, что он чаще всего появляется в детстве, когда у детей еще не сформирована адекватная самооценка и их оценка самих себя целиком зависит от мнения окружающих. Детский возраст не только сензитивен к появлению данного комплекса, но это еще и фактор, затрудняющий оказание ребенку психологической помощи. Поэтому данный комплекс может сохраняться у ребенка до тех пор, пока он не станет взрослым и не будет способен воспринимать психокоррекционную программу. Такая индивидуальная особенность, как несовершеннолетний возраст потерпевшего, является одной из ключевых при оценке степени морального вреда, возникшего при нанесении психической травмы в виде образовавшегося комплекса неполноценности.

Степень тяжести моральной травмы в случае комплекса неполноценности будет также зависеть от вида нематериального блага, подвергнувшегося умалению (вида моральных потерь). Оценить степень психической травмы здесь будет проще, если учесть, насколько легче компенсируется комплекс неполноценности в каждом конкретном случае. Например, в ситуации умаления чести и достоинства конкретным объектом нападок, вызывающих у потерпевшего состояние унижения, может быть его интеллект, внешние способы выражения социальных ролей (мимика, жесты, манера одеваться и т. п.), социальное или материальное положение и т. д., т. е. все то, что составляет признаки приобретенного социального статуса. В рассматриваемом ракурсе, оценивая, что легче поддается коррекции (т. е. быстрее снимаются страдания

⁵⁰ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997. С. 169.

⁵¹ Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, В. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1994. С. 155.

⁵² Платонов К. К. Личность как социально-психологический феномен // Социальная психология. М., 1975.

потерпевшего), на первом месте, очевидно, будут схемы поведения, которые легче изменить, чем, например, интеллект или материальное положение. Под характером страданий в ситуации формирования комплекса неполноценности, таким образом, следует понимать содержание нравственных переживаний, например, типа: «Я – глупый, у меня нет способностей, меня за это презирают» (в случае унижения достоинства ученика).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.